

Более десяти лет назад в обзорной статье о состоянии дел в нижегородской пародии я отмечал Николая Симонова как наиболее активно-го пародиста. За прошедшее время кое-что изменилось. Благодаря набравшему силу фестивалю иронической поэзии в Кстове в пародийную деятельность оказалось вовлечено немало новых авторов. Однако конкуренцию Симонову никто из них составить не смог, за исключением тоже кстовчанина Олега Захарова. Можно считать, что на сегодняшний день они возглавляют отряд нижегородских пародистов.

Николай Васильевич Симонов в нижегородской литературе известен давно: знаком читателям по публикациям в периодике, в местных и московских альманахах и антологиях. На его счету девять книг, он член Союза писателей России, руководитель литературного объединения «Волга», лауреат многих премий и конкурсов. Немаловажен и тот факт, что его поэтическая деятельность развивалась параллельно с его основной работой судосборщика на стапелях «Красного Сормова». Его заводской стаж насчитывает более сорока лет.

Творчество Симонова разнообразно. В основном он выступает как поэт сатирического плана (литературные пародии, иронические стихи, переделки известных стихотворений), но у него немало стихов, посвящённых размышлениям об особенностях мироустройства, о несуразностях бытия, о религии и православии. Знакомясь с книгами и публикациями Симонова, невольно обращаешь внимание на обширную сферу его интересов. Это и история (начиная с всемирной и заканчивая краеведением), и фольклор (сказочный, песенный и проч.), и мифоло-

гия, и, конечно, литература – и мировая, и отечественная. Знания его не поверхностны: если бы кому-то пришло в голову составить перечень упомянутых в его стихах и пародиях географических названий или имён знаменитостей, они заняли бы не одну страницу.

Бесспорно, основной его интерес сосредоточен на литературных пародиях. Уже в первой его книге имелся раздел пародий. Со временем они занимали всё большее место в его творчестве: в первой книге – четверть объёма, во второй – половину, в третьей – две трети. Затем вышли две книги, уже полностью пародийные. Эта тенденция была вполне закономерна и объяснима. Склонность к шутке, иронии, сатире просматривалась у Симонова уже и в непародийных стихах. Читая их, невозможно не ощутить весёлый, добродушный настрой автора. Даже грустный мотив, драматическая сценка поворачивались у него оптимистической или забавной стороной. Такой позитивный заряд сообщал его пародиям не наступательный, не атакующий, а доброжелательный стиль. С самого начала Симонов понимал пародирование как дружеский отзыв на прочитанное. Он не задавался целью сугубо критической оценки или литературоведческого анализа (способных засушить пародии); подшучивание не только ощущается, но и декларируется автором:

Пишу совсем беззлобно вроде я,  
Пишу, а сам душой скорблю...  
Не обижайтесь, – я пародии  
Пишу на тех, кого люблю.

Уж, казалось бы, литературная перепалка, завязавшаяся между лидерами нижегородской пародии – Симоновым и Захаровым, – могла бы привести к обострению отношений, к обидным наскокам, к ехидным обвинениям, к язвительному переходу на личности. Но сатирический диалог (почти по десятку пародий с той и другой стороны) не перешёл грань, за которой могли быть и задетое самолюбие, и желание кровожадной расплаты. Не обошлось, конечно, без острых уколов (какая пародия может обойтись без них?), но в полемике царили юмор и чувство товарищества.

Сегодня не так уж много поэтов, уделяющих внимание пародии. Мало тех, кто постоянно настроен на пародийную волну. Пародируют нынче по поводу, от случая к случаю. Может, это и неплохо: ведь по заказу вымучить пародию не так-то просто. Но как раз случайные пародисты и доминируют в литературной сатире. Они могут придрататься к чему угодно, и каждая из строчек стихотворения может стать для них поводом к пародии. Им всё равно на кого писать: за строчками они могут не видеть поэта и не знать ничего ни о нём, ни о его творчестве.

Симонов не из их числа. Конечно, случается, что и он опирается на отдельный огрех (куда без этого!), но он не ставит это во главу угла. В его пародиях центром внимания является сам автор, его темы, его способ подачи материала. Поэтому в них, как правило, конкретный сюжет, реальное развитие действия с чётко выписанным финалом, иногда с авторским резюме пародиста. Такой подход делает пародию живой и объёмной. Симпатию читателя вызывает и незаумное изложение сути пародии, сделанное с разговорной интонацией, не исключаяющей словечек обиходных и просторечивых («хоть тресни», «чеши в затылке», «шаляй-валяй», «фон-барон» и проч.). Словечки эти употребляются к месту, не выпячиваются и работают с полной отдачей на мысль

автора. Впрочем, не только просторечия могут вплестаться в ткань пародии: так же естественно используется масса терминов и понятий не из элементарного лексикона («хиромантия», «энтомология», «экзистенция» и проч.).

В словесном выборе Симонов свободен и не стеснён рамками каких-то предубеждений, канонов, традиций. У него много истинно своих находок, решений, основанных на хорошем знании литературы и русского языка, фольклора. Известно, например, какие тупиковые затруднения испытывают обычно пародисты, придумывая заголовки к своим книгам или отдельным разделам (у большинства всё вертится вокруг Пегаса и Парнаса). У Симонова это получается оригинально и естественно: «Поэтическая кастрюля», «Пятый угол», «Привидения стихов», «Шабаш», «Смешно сказать»... Да и отдельные пародии названы так, что надолго остаются в памяти: «Эстет с кастетом», «Эра НТРа», «Счастье из лохани», «По стихи», «Волосы дыбом»...

Отличие, например, от Александра Иванова, выступавшего исключительно как пародист (сочинял ещё эпиграммы), Симонов пишет и публикует стихи. Недоброжелателям Иванова не за что было зацепиться в желании отомстить пародисту – отсутствовали его оригинальные произведения. Симонов открыт для критики: вот его стихи, вот его пародии. Можно с полным основанием писать на него «шаржи». (Что, впрочем, и делается: известно около 30 пародий на него разных авторов, плюс ещё пяток эпиграмм.) Но, учитывая личность и творчество потенциальной жертвы, никто из нападавших не сказал о нём грубого или резкого слова.

По сравнению с другими поэтами у Симонова свой взгляд на творчество: он не делает из него культа. В его понимании, написание стихов – не священнодействие и не некое шаманство, а упорная работа. Как истинный пародист, он может насмешливо снизить пафосный градус:

...я сижусь под развесистой клюквой  
и для вас небылицы строчу...

Но было бы неверно воспринимать эти его шутейные откровения прямолинейно. Да, он писал:

Рифма яркая поманит –  
Я тотчас за ней в погоню.  
Я немало графоманил  
И не меньше эпигонил...

Но эти признания – не о его настоящей работе, а о периоде поиска своего пути. А он у него был незаёмный, не выверенный заранее, не просчитанный, а спонтанный, импровизационный. Может быть, поэтому ему безразличны пути, какими люди приходят в поэзию. Но как у пародиста у него на это взгляд юмористический.

Из пародии на Е. Митасова:

...Когда ж стихи писать я сел,  
Всё вдруг в семье переменялось:  
Отец кнутом меня огрел,  
А мама в обморок свалилась.

Из пародии на В. Фёдорова:

Мне, писателю, всё по теме,  
Всё поэту как дважды два:  
Запозачиваю поэмы,  
Засловачиваю слова...

Из пародии на Е. Манделя:

...стихами куролесю  
приняв серьёзный вид  
нет вдохновенья здесь  
и тама не фартит...

Пародийная фантазия Симонова свободна и неограниченна. Например, в пародии на В. Кулагина рифму у незадачливого поэта он сравнивает с норовистым конём, бодливой козой, плохо доящейся коровой. В итоге:

Что делать мне с нею, плутовкою...  
Но я ведь и сам не прост.  
И строчку за строчкой ловко я  
Тяну, как kota за хвост.

Симонов безошибочно улавливает в стихах банальности, поэтические откровения на пустом месте и откликается на них смешно и остроумно. Любому поэту должно становиться неудобно от ощущения не столько от собственной промашки, сколько от того, что она понята пародистом и предана огласке. Например, строки С. Куняева «Ещё вчера была зима, и вот уже весна...» спародированы Симоновым так, что могут послужить для многих предупреждением от многозначительного пустословия:

Как дней несётся череда,  
Как пролетает век, –  
Ещё вчера была среда,  
И вот уже четверг.  
Не жди от осени добра,  
И от зимы не жди.  
Ещё вчера была жара, –  
И вот уже дожди...

Эпигонство и примитивное заимствование в стихах мгновенно фиксируются Симоновым. Он улавливает скрытые заимствования в творениях своих подопечных (к примеру – пародия «Встреча» на Е. Трофимова), может расшифровать неоригинальные перепевы того, что было создано уже давненько. Парафразы из классиков в стихах Иосифа Бродского вызывают насмешливую реакцию пародиста:

Мчатся тучи, вьются тучи,  
Кони чуткие храпят.  
Данте, Гёте, Пушкин, Тютчев  
По пятам за Бродским мчат...

...Быстро мчатся, рой за роём  
Прибывает эта рать...  
Мчат поэты и герои  
Уши Бродскому надрать.

Обращает внимание Симонов на абсурд, маскирующийся под поэтические фантазии или озарения. На контрасте обыденного и общепринятого с тем, что заявлено в стихах, нередко строятся его пародии («Как никто» на В. Ковду, «Метаморфоза» на Е. Евтушенко), вызывая комический эффект несоответствия надуманного и реального. Поражает неожиданностью та «тропинка», что прокладывается от стихов поэтов к создаваемым пародиям. Почти всегда она нестандартна и увлекательна. За простотой её восприятия чувствуется, что пишутся пародии не поверхностно, не с лёту, что за ними порой стоит немалый труд. Если отвлечься от мгновенного ощущения импровизационной лёгкости пародий и повнимательней вникнуть в их внутреннюю суть, можно без труда обнаружить в них множество сложных компонентов – тут и скрытые цитаты, и ассоциативные намёки, и перекличка мнений, и много ещё чего, открывающееся далеко не сразу.

Есть пародисты, которые от точки до точки «шьют» пародию «из материала заказчика», как бы полностью растворяясь в нём. Симонов не принадлежит к их числу. Несомненно, что отталкивается он от написанного поэтом, но далее уже идёт своим путём: разрабатывает сюжет, поведение действующих лиц, финальный поворот. Симонову есть что сказать читателю: у него обширные знания из различных областей теории и практики, за словом в карман он не лезет. У него случаются сверхточные пародийные попадания, сконцентрированные буквально в одной-двух строчках. Они проистекают не из описок и оговорок, а из личной и поэтической биографии пародируемого. Например, надо знать об эпатажных устремлениях Андрея Вознесенского, об этапах его творчества, чтобы в одной строке вместить и его стихотворную и человеческую популярность: «Я в трусы на рассвете оденусь...» Собственно говоря, одну эту фразу можно считать развёрнутой пародией, к ней можно уже ничего не добавлять.

Пародия настоящего мастера от пародии случайного автора или графомана отличается непредсказуемостью развития сюжета, неожиданностью вывода, таящегося в самом конце. Читатель вряд ли способен предположить, чем закончатся многие пародии Симонова или его сатирические стихи. Завершающая (порой парадоксальная) мысль таится едва ли не в последней строчке. Ударные концовки – одна из самых ярких примет настоящей пародии; любой пародист просто обязан владеть этим приёмом, если хочет, чтобы пародия выглядела энергичной и свежей, чтобы обращала на себя внимание читателя, а тем более – слушателя. Симонов умело пользуется неожиданным завершением пародии. Оно у него не натужное, не вымученное; он старается найти непредугадываемый поворот, но делает это, в отличие, например, от издевательской манеры А. Иванова, на доброй юмористической основе.

Пародия не должна быть объёмной, многословной, утомляющей читателя, усыпляющей его внимание. Симонов любит (и в стихах и в пародиях) концентрированное выражение мысли и чувства, у него нет лишних слов, он не растекается мыслью по древу. Заметна его любовь к короткой, легко произносимой, накрепко зарифмованной фразе. В па-

родии на Виктора Бокова сразу же ощущается чёткое присутствие двух авторов – и Бокова, и Симонова:

...Страсть и я имею  
К вилам и лопате,  
И летать умею  
С печи на полати.

Однако любовь к укороченной фразе иногда играет злую шутку: порой, следуя за нею, пародист не вписывается в предложенную в эпиграфе (цитате из пародируемого произведения) авторскую стилистику. В этом случае пародия или трансформируется в реплику по поводу написанного (как в пародии «Похищенный» на И. Ляпина), или просто не удаётся (как в пародии «Сизая тоска» на Ю. Мориц).

Реплика в пародии, конечно, имеет полное право на существование. Порой поэты составляют такие стихи, что серьёзно их пародировать просто невозможно. Заслуживают они всего-навсего саркастической усмешки. Этим довольно широко пользуется Симонов (на В. Мощанского, В. Фирсова, С. Леонтьеву, Е. Евтушенко). Его реплики динамичны, конкретны, ехидны. Некоторые из них опираются на авторские строки, другие просто содержат мнение пародиста. Одни из них могут быть лаконичными (короче эпиграфов), другие – развёрнутыми и продолжительными (последние – например, на Новеллу Матвееву – от этого только проигрывают).

Размытая грань между репликой и пародией может привести к стилистическому диссонансу пародии и эпиграфа. Это нарушение пародийных канонов не всегда воспринимается со знаком минус. Взять пародию «Метаморфоза» на Евгения Евтушенко. В эпиграфе заявлен отрывок из стихотворения «Я хотел бы...», а пародия выполнена в стилистике стихотворения «А снег повалится, повалится...». У них и ритм разный и настроение, но поскольку оба принадлежат одному автору, то и разнотой оказывается вполне уместен. Есть, однако, и иные примеры, когда разностильность вызывает недоумение (на В. Важаева, А. Гринеса и др.).

Пародийная практика Симонова распространяется на всевозможные виды поэзии – эпиграммы, баллады, сонеты, сказки, песни, рубаи... Этот универсализм происходит не только от следования за структурой первоисточников, которые приходится пересмеивать, но и от непоказной начитанности пародиста. Симонов внимательный читатель: в стихах поэтов зачастую видит то, что не видят другие. В разных стихотворениях он подмечает сходные мотивы, перекликающиеся мысли и образы, общие ошибки и неточности. Так появляются пародии с общим эпиграфом из строк нескольких поэтов. Переосмысливая их, пародист создаёт единый закольцованный текст с двойным и тройным эффектом: обнаруживает погрешность индивидуальную и прогнозирует за ней погрешность тенденциозную. Такие «многофигурные» пародии могут оставаться простыми шутками («Два медведя», «Притоки»), а могут задевать «тонкие» лирические струны невзыскательных поэтов и поэтесс («Шабаш», «Три пугала»).

Благодаря имитационным способностям Симонов легко повторяет своеобразный говор поэтов, утрирует их оговорки, неверные ударения, грамматические оплошности, подсмеивается над косноязычием, экзотическими сравнениями, эпатажными выражениями. Может так

«прицепиться» к поэтическому вывиху, что сразу станет ясно, что лучше бы автор его не совершал. Нарочито не дописал Ю. Балинов слово в строчке «Разбился о родную зе...» и получил от Симонова по полной программе:

...В ум не лезет ничего,  
Месяц светит на тропу.  
Я чешу рукою го...  
А она, наверно, пу...

Имитационный приём достаточно заразителен. Когда сатирик ощущает в себе способность похоже воспроизводить чужой текст со всеми его характерными особенностями, его начинает тянуть к пародиям цикловым. В них центральный сюжет отходит на второй план и становится как бы фоном, на котором разворачиваются варианты его интерпретации разными известными авторами. Тут уже отпадает потребность в эпиграфах, а от пародиста требуется воссоздание в предложенных сюжетных рамках узнаваемого почерка каждого из персонажей цикла. Чтобы создать интересный рассказ на какую-то (сплошь и рядом случайную) тему от лица разных авторов, надо знать, как и что они писали, чем стали известны и каково их место в поэзии.

К созданию цикловых пародий сатирик, как правило, подходит уже набравшись пародийного опыта, приобретя навыки «вещания» иными голосами. «Аранжировка» различных тем неплохо удаётся Симонову. Для него не составляет особого труда говорить от имени отечественных и зарубежных поэтов (иногда не самых знаменитых и популярных). Он хорошо ориентируется в хронологических и географических литературных потоках и похоже воспроизводит стиль пародируемых авторов даже из далёких веков (будь то Гомер, Данте или Хайям).

В выборе тем цикловых пародий Симонов следует в русле устоявшихся традиций. Он пишет о Колобке, Репке, Теремке, Сереньком козлик, Попе и его собаке – о сюжетах, уже использованных десятками пародистов. Но персонажей для пародирования он выбирает своих и заставляет их вести себя по-своему. У него, например, поэты оправдывают попа, который вовсе не убивал собаку, а репку, оказывается, и тянуть-то некому, а колобок пекла вовсе и не бабка, а муза некой поэтессы... В цикловых пародиях Симонов не столько копирует известных поэтов, сколько вступает с ними в своеобразное соревнование. Он не только разрабатывает известные сюжеты, но и выдумывает свои. И тут ему не откажешь в выборе острых, животрепещущих проблем: «Классика и трезвость», «Финты и выкрутасы болельщиков с Парнаса»... В последнем, кстати, можно познакомиться с мудрыми мыслями, высказанными от имени персонажей нестандартных – например Марциала.

В работе Симонова заметны многие достижения, но не обходится и без недостатков. Неудачи случаются, когда пародист цепляется к какой-то детали и пытается по максимуму выжать из неё и сюжет и юмористическую окраску. Пародия становится тавтологичной, унылой, не трогает читателя («Левая пародия» на Н. Сычаева, уже упомянутая «Сизая тоска» на Ю. Мориц). Такое пародирование приводит к перебору однотипных слов, не дающих пищи ни уму ни сердцу, как это, например, случилось в пародии на В. Половинкина:



...Отбросив сладких снов оковы,  
Чуть свет я вышел из избы  
И долго в лесе пустяковом  
Искал никчемные грибы.  
Я их искал, судите сами,  
Как ищут рифмы для стихов –  
Под ерундовыми кустами,  
Под зарослями пустяков.

Такие пародии вроде бы призваны демонстрировать оригинальные и остроумные находки, но в конечном итоге оборачиваются неловкими выдумками («Вундеркинд» на И. Чурдалёва).

Пожалуй, можно отметить чрезмерное увлечение Симонова эпиграфами. Причём зачастую они состоят не из логически завершённых фраз, а из отдельных строчек, обрывков, за которыми нельзя распознать автора и понять его мысль. Такие эпиграфы мало что говорят читателю, но призваны как бы подтвердить правоту пародиста в выборе темы: это не я выдумал, это я опирался на сказанное поэтом. Наверное, пародист должен больше доверять читателю, он и без особенных подсказок сможет понять, откуда ноги растут. Тем более что Симонов вполне доказал, что и без детализированного эпиграфа может писать и весело, и интересно: масса пародий из разных циклов созданы им без предварительного цитирования, и созданы хорошо.

Известен факт: пародия, написанная на слабые стихи (какой бы она ни была), таит в своей глубине такую же слабость. Желательно избегать пародий на стихи графоманов; считается, что не каждый пишущий достоин пародии, её ещё надо заслужить. Пародии на никому неизвестных авторов воспринимаются читателями без особого интереса, как факт поэтического междусобойчика. Желательно и сатирический разговор вести на профессиональном уровне.

У пародии за историю её существования случались разные периоды – и популярности, и забвения. Но всегда она была интересна людям, безразличным к литературе. Пародии Симонова сегодня востребованы, его имя известно, на его выступления с интересом собираются люди, его работа просто необходима авторам, чтобы со стороны взглянуть на себя и своё творчество.

Сейчас в сатире Симонов не только лидер, но почти уже классик. Неплохо было бы, чтобы на фоне своего успеха он стремился к расширению творческих горизонтов. Он мог бы более пристально присматриваться к работе широко известных авторов и одаривать их своими пародийными комментариями – у него это хорошо получается. Может быть, ему стоило бы освоить популярный жанр эпиграмм: у него достаточно опыта не только по ироническому отношению к написанному и опубликованному, но и по критическому восприятию создателей нетленных произведений. В любом случае хотелось бы пожелать Симонову успехов в уникальных жанрах литературной сатиры.